

Кто уедет добровольно?

Программы обучения могли бы побудить просителей убежища, получивших отказ, вернуться домой

В 2016 году было зафиксировано почти миллион граждан из третьих стран, которые нелегально проживали в ЕС. Примерно 500 тыс. мигрантов, получивших отказ в предоставлении убежища или разрешения на пребывание в стране, подлежат депортации из ЕС. Но менее половины из них – 226,15 тыс. человек – на самом деле вернулись обратно в страны своего происхождения. Эти цифры являются подтверждением известной проблемы: как следует поступать с людьми, рискувшими жизнью на пути к Европе, и все лишь для того, чтобы узнать, что им не разрешено здесь оставаться под угрозой депортации? Эти бедолаги не желают возвращаться с пустыми руками, да и в странах, откуда они прибыли, их часто не ждут. Что же делать ЕС с этой дилеммой?

За последние годы были инициированы программы, призванные оказать поддержку добровольному возвращению мигрантов. Они включают в себя предоставление логистической, социальной и финансовой помощи. Эти проекты существенно отличаются друг от друга с точки зрения продолжительности и объема: некоторые напоминают специализированные туристические бюро, другие содержат долгосрочные мероприятия, например, финансовую поддержку повышения профессиональной квалификации или курсов для предпринимателей в соответствующей стране происхождения.

Подобные программы призваны противодействовать новым волнам миграции путем создания гарантий обеспечения основных жизненных потребностей для тех, кто готов вернуться на родину, в странах их происхождения. Кроме того, они направлены на улучшение сотрудничества с теми правительствами, которые ввиду слабой экономики и чрезмерной нагрузки на системы социального страхования не желают принимать обратно своих собственных граждан. На самом же деле такие программы добровольного возвращения в возрастающей степени начинают рассматриваться в качестве мероприятий по оказанию помощи в целях развития,

поскольку те, возвращения которых домой удастся добиться, могут внести вклад в развитие экономики на своей родине.

*Вместо того чтобы
относиться к
депортируемым как к
преступникам, их можно
было бы рассматривать
в качестве своеобразных
участников обучения в
рамках программы
Эразмус*

Но даже если такой подход – это движение в правильном направлении, виды на успех все же ограничены. Ни мигранты, ни правительства стран, откуда они прибывают, пока что не проявляют особой готовности к сотрудничеству. Обещание способствовать реинтеграции лиц, возвращающихся домой, на местах, остается попросту довольно зыбким и звучит не слишком привлекательно. Опасения мигрантов перед позором возвращения на родину с пустыми руками и в статусе неудачников трудно развеять. Развивающиеся страны проявляют лишь ограниченный интерес к тому, чтобы помочь зажиточной Европе избавиться от бедных и нежелательных для нее людей.

Привлекательность возврата на родину может оказаться и вопросом планирования во времени. Большинство программ, содержащих мероприятия по профессионально-техническому образованию или курсы для предпринимателей, осуществляется после возвращения в страну происхождения. Преимущество заключается в минимизации расходов и привлечении региональных участников. Но намного более выигрышным могло бы стать предоставление таких программ еще до момента возвращения. Так как реализация процедуры возвращения часто может затягиваться на месяцы, а то и годы, лица, которые должны вернуться обратно, длительное время находятся в состоянии психологической неуверенности, которое может породить самые нежелательные для них последствия. Это время можно было бы провести с намного большей пользой, если бы в процессе подготовки к возвращению предоставлялась возможность изучить новое ремесло, новый язык, а в некоторых случаях просто научиться читать и писать.

Многие так называемые экономические беженцы помимо желания увеличить свой доход называют еще одну причину своей миграции: образование. Для мигрантов без образования характерна особая мотивация к учебе, которую и следовало бы использовать. Вместо того чтобы относиться к депортируемым перед их отъездом как к преступникам, их можно было бы рассматривать в качестве своеобразных участников обучения в рамках программы Эразмус.

Подготовка, с которой бы эти люди возвращались к себе домой, высоко бы там ценилась и дала бы им ощущение того, что в результате своей миграционной поездки им удалось добиться хотя бы одной весомой цели. Если такие программы предлагать в самом начале процедуры предоставления убежища, они бы способствовали в конечном счете интеграции и тех лиц, по заявлениям которых выносятся положительные решения.

Конечно, большим вызовом остаются расходы на образовательные программы для всех, кто должен вернуться обратно, да и всех просителей убежища. Однако образовательные мероприятия не должны выходить за пределы базового уровня, что позволило бы обеспечить возможность их финансирования. Если же принять во внимание низкий уровень квалификации большинства лиц, ищущих убежища, а также дефицит рабочих мест для обладателей более высокой квалификации в странах их происхождения, то многие из них извлекли бы существенную пользу из базового обучения в сфере мелкого предпринимательства или сельского хозяйства. Существенным подспорьем для людей, не способных даже написать свое собственное имя, стали бы занятия по чтению и письму, которые должны были бы предшествовать изучению ими иностранного языка соответствующей страны. Можно предлагать программы обучения различного уровня, адаптированные к различным предпосылкам для реализации этого процесса у разных мигрантов.

Возвращение хорошо подготовленной рабочей силы и потенциальных предпринимателей могло бы стать более эффективной формой помощи в целях развития, нежели существующие инициативы

Решающим элементом такого подхода могла бы стать аккредитация. Обучающиеся в рамках подобных программ должны были бы регулярно проходить процедуру оценивания и получать «документ об окончании учебы», подтверждающий успешное завершение ими своего обучения. Такой документ наверняка не имел бы высокой ценности в Европе, но мог бы помочь открыть многие двери в стране происхождения. Он мог бы убедить и скептически настроенные правительства стран происхождения мигрантов в возможности извлечения пользы от возвращения беженцев с соответствующей квалификацией.

Возвращение хорошо подготовленной рабочей силы и потенциальных предпринимателей могло бы стать более эффективной формой помощи в целях развития, нежели

существующие инициативы. Это помогло бы убедить правительства стран ЕС в оправданности дополнительных расходов на обучение и повышение уровня квалификации мигрантов в Европе. ЕС нужно было бы сделать честный расчет соотношения затрат и полезного эффекта и просчитать эффективность форм помощи в целях развития, осуществлявшейся до сего времени, в сопоставлении с инвестициями в повышение квалификации лиц, обязанных вернуться домой.

Разработка широкой программы обучения тех, кто должен вернуться обратно, а возможно, и всех тех, кто ищет убежища, непростая задача. Финансовая поддержка ЕС могла бы помочь более бедным государствам – членам ЕС с особенно большим числом тех, кто должен вернуться в страну своего происхождения, а также просителями убежища взять на себя соответствующие расходы. И все же, невзирая на это, индивидуальная реализация таких требующих особых усилий программ должна оставаться задачей национальных правительств. Опасения, связанные с мигрантами, которые захотят выбрать для себя лишь самые лучшие пакеты поддержки тех, кто должен будет вернуться домой, могут осложнить в политическом отношении подобные усилия, но именно существенно варьирующиеся условия приема в отдельных странах – членах ЕС являются, очевидно, основной причиной миграционных потоков внутри ЕС.

Возможность реализации таких программ, конечно же, будет зависеть и от готовности политиков инвестировать большие суммы в просителей убежища, получивших отказ. Но сосредоточив внимание на аспекте возвращения мигрантов в страны их происхождения, можно было бы, наверное, убедить в целесообразности этой идеи и более консервативных политиков, и избирателей. Пилотные проекты могли бы стать точкой отсчета потенциальной эффективности подобной стратегии. Следует посмотреть, осуществима ли такая инициатива на уровне ЕС или все же скорее на национальном уровне, но уже сейчас можно найти весомые основания для того, чтобы и в дальнейшем придерживаться такого подхода.

Возвращение и прием мигрантов у себя на родине занимает все более высокое место в списке приоритетов ЕС, тогда как число лиц, которые возвращаются назад, остается удручающе низким. Наступило время переосмыслить происходящее.

Марко Функ

Брюссель

Марко Функ (Marco Funk) – референт по вопросам европейского пространства свободы, безопасности и права (верховенства права, миграции, законодательства в сфере цифровых технологий) Европейского бюро Фонда им. Фридриха Эберта в Брюсселе. До этого он был сотрудником Центра европейской политики, института ЕС по исследованиям в сфере безопасности и Международной организации по миграции. Во время работы в итальянской неправительственной организации в 2015 году он опубликовал книгу беженцев, оказавшихся в ловушке на перевале Бреннер между Италией и Австрией. Марко Функ изучал европейскую политику в Парижском институте политических исследований, а также политологию в Университете центральной Флориды.

